МК
193
Люблинский П.
Неприкосн. зап.
Пгр. 1917 г.

№ 425. 35 коп.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.
„ЗАДАЧИ СВОБОДНОЙ РОССІИ".
Серія I. «Политическая Библіотека».

МК
Л 93

Прикосновенность личности.

Проф. П. Люблинскій.

ПЕТРОГРАДЪ.
„Акц. О-во Муравей".
1917.

Общедо

ой Росс

Цѣн

5 страницъ.

Подго

Изъ

Н. Казм

— Свобо

М. Лаз

публ

— Всеоб

— Націо

П. Любл

— Отвѣт

А. Любл

Я. Магаз

Феде

Э. Понто

Изъ

П

ской

ніе.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ.

П. И. Люблинскій, проф.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
160970

ПЕТРОГРАДЪ.
Акц. О-во „Муравей".
1917.

ПЕТРОГРАДЪ.
Акц. О-во Русск. Изд. Дѣла «Печать». Ивановская, 14.
1917.

Неприкосновенность личности.

I.

Каждый сознательный человѣкъ больше всего цѣнитъ свою личную свободу. Онъ выработалъ въ себѣ извѣстныя убѣжденія и взгляды, которые онъ полагаетъ въ основаніе своей дѣятельности и на которыхъ лежитъ печать его личности и его умственнаго облика. Человѣкъ сильный, выдающійся изъ среды остальныхъ, самостоятельно вырабатываетъ свои взгляды, порою на много опережая свое время; проводя эти взгляды въ жизнь, онъ толкаетъ общество по пути развитія впередъ. Онъ является творцомъ и двигателемъ общественнаго прогресса, оставляющимъ порою на многіе годы яркій слѣдъ въ исторіи. Человѣкъ средній впитываетъ въ себя взгляды и воззрѣнія окружающей его среды, но воспринимаетъ ихъ такъ же свободно и въ такой же мѣрѣ считаетъ ихъ своими, какъ и тотъ, кто самостоятельно выработалъ ихъ.

Свобода убѣжденій и мыслей была бы благомъ весьма отвлеченнымъ, если-бы каждый не имѣлъ права проводить эти убѣжденія въ жизнь. Свобода духа есть внутреннее благо, свобода дѣятельности есть благо общественное. Свободный общественный строй предполагаетъ существованіе такого порядка, при которомъ личности была бы обезпечена возможность дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, такъ какъ только тогда личность сможетъ творчески проявить себя. Безъ этой возможности свобода явля-

ется благомъ призрачнымъ: она скорѣе вызываетъ неудовлетворенность, чѣмъ свѣтлое чувство радости.

Но свободная дѣятельность человѣка не безгранична. Въ жизни ей поставлены границы не только природой, но и закономъ. Стоя на стражѣ интересовъ общежитія, законъ ставитъ предѣлъ каждому, указывая, куда онъ не можетъ вторгаться, не рискуя тѣмъ самымъ нарушить свободу и права другихъ лицъ. Если бы такой границы не существовало, то неправильно понимаемая свобода легко могла бы привести къ общему междуусобію и анархіи. Общество людей, въ которыхъ сознаніе общественнаго долга развито высоко, можетъ быть, и мало нуждается въ внѣшнемъ установленіи такой границы: имѣющееся у каждаго сознаніе отвѣтственности заставитъ каждаго ограничить себя въ тѣхъ случаяхъ, когда ему будетъ ясна проистекающая отъ его дѣйствій опасность для другихъ. Но если такое сознаніе еще слабо, то необходимымъ дополненіемъ свободы дѣятельности является законъ, въ частности законъ уголовный, который предупреждаетъ каждаго, что нарушеніе извѣстныхъ границъ повлечетъ для него тяжелыя послѣдствія, такъ какъ этимъ создается опасность для общежитія. Уголовные законы, ставящіе такіе ограниченія свободѣ, въ свободныхъ и демократическихъ странахъ создаются представителями всего народа, и потому могутъ считаться «общей волей». Они выражаютъ въ себѣ убѣжденіе лучшихъ людей народа о томъ, гдѣ лежатъ естественныя границы допустимой свободной дѣятельности и что нарушало бы условія мирнаго существованія общества или государства. Когда люди достигнутъ высшей нравственности, существованіе уголовныхъ законовъ, быть можетъ, и станетъ излишнимъ, такъ какъ люди во всемъ будутъ слѣдовать голосу совѣсти и общественной симпатіи, но современное человѣчество еще далеко отъ этого состоянія.

Итакъ, въ современномъ обществѣ свобода убѣжде-

ній и мыслей безгранична, но свобода дѣятельности ограничивается запретами уголовнаго закона. Не преступая предѣловъ этого закона, человѣкъ воленъ дѣйствовать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Онъ считается только со своей совѣстью и съ сознаніемъ нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія. Но если эти предѣлы нарушены, то общественная власть получаетъ право не только прекратить вредную дѣятельность, но и привлечь виновнаго къ законной отвѣтственности.

На такомъ пониманіи свободы и держится то правовое благо личности, которое зовется неприкосновенностью личности. Это благо, какъ мы сейчасъ увидимъ, является основнымъ устоемъ современнаго правового государства, при отсутствіи же его наступаетъ порядокъ, который называютъ деспотическимъ, будь то деспотизмъ самодержавный, или демократическій.

Выраженіе «неприкосновенность личности» раньше имѣло очень широкое содержаніе и очень тѣсное примѣненіе. Это благо принадлежало только знатнѣйшимъ лицамъ въ государствѣ: монарху, верховнымъ судьямъ и жрецамъ, посламъ иностранныхъ государствъ. Подъ нимъ понималась нѣкоторая святость лица, причемъ, одно самовольное прикосновеніе къ такому лицу разсматривалось какъ преступленіе и влекло тяжкія наказанія. Это была неприкосновенность, которою окружилъ Моисей свои Скиніи Завѣта, въ которыхъ хранились скрижали; это было «табу» дикарей, карающихъ смертью прикосновеніе къ священному или нечистому. Остатки такого пониманія неприкосновенности личности просуществовали до самаго послѣдняго времени. Такъ у насъ въ уголовномъ уложеніи до самой революціи сохранилась ст. 99, каравшая смертною казнью лицо, «посягнувшее на неприкосновенность священной особы царствующаго императора, императрицы или наслѣдника пре-

стола», а ст. 5 основныхъ законовъ 1906 г. постановляла, что «особа государя императора священна и неприкосновенна». Остатки идеи неприкосновенности священнослужителей, пословъ, высшихъ должностныхъ лицъ сохранились въ видѣ особо тяжкой отвѣтственности за оскорбленіе ихъ чести и за насиліе надъ ихъ личностью.

Такое представленіе о неприкновенности личности является отмирающимъ остаткомъ прошлаго, тѣсно связаннымъ съ необходимостью охраны носителей самодержавной верховной власти. Оно окружало вмѣстѣ съ тѣмъ и личность ихъ особымъ ореоломъ величія и святости, ставя ихъ высоко надъ всѣми остальными. Это качество, свойственное скорѣе святымъ, чѣмъ людямъ, было отраженіемъ стараго строя, и не его мы имѣемъ въ виду, говоря о неприкосновенности личности, какъ объ основномъ правовомъ благѣ гражданина.

Правовой строй принесъ намъ иное пониманіе этого слова. Если въ прежнее время, говоря о неприкосновенности, разумѣли подъ нею особую охрану носителей власти отъ всего населенія, то теперь, напротивъ, разумѣютъ охрану неприкосновенности личности всего населенія отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны власти. Въ произвольныхъ дѣйствіяхъ власти таится большая опасность для народной свободы и нужно защитить каждаго отъ того, чтобы онъ не сталъ жертвою произвола. Съ этою цѣлью противъ возможнаго произвола власти вырабатывается рядъ мѣръ, которыя называютъ гарантіями, и къ числу такихъ гарантій принадлежитъ неприкосновенность личности.

Неприкосновенность, какъ право каждаго гражданина, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Это есть право, опирающееся на сознаніе возможности поступать и дѣйствовать соотвѣтственно своимъ убѣжденіямъ, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ уголовнымъ

закономъ, не опасаясь при этомъ насильственнаго противодѣйствія со стороны власти или частныхъ лицъ. Насильственными дѣйствіями, нарушающими личную неприкосновенность, чаще всего являются: аресты, высылки, лишеніе свободы, тѣлесныя истязанія. Свободный строй исключаетъ всякое противозаконное насиліе, законныя же полномочія принятія принудительныхъ дѣйствій онъ сохраняетъ только за органами власти, несущими за неправильное примѣненіе ихъ особую отвѣтственность. Частнымъ лицамъ дозволяется прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ въ случаяхъ неотложной крайности, какъ, напр., при необходимой оборонѣ себя или другихъ отъ разбойнаго нападенія или другого тяжкаго преступленія, или при задержаніи виновнаго на мѣстѣ преступленія до прибытія власти.

Признаніе за гражданиномъ права на неприкосновенность не лишаетъ общество возможности примѣнить къ нему принудительныя мѣры, когда это будетъ вызываться общественной необходимостью. Но эта возможность обставлена такими гарантіями, которыя всячески мѣшаютъ проникновенію въ эту область произвола. Этими гарантіями являются: 1) точное указаніе въ законѣ случаевъ, когда гражданинъ можетъ быть подвергнутъ принужденію; 2) установленіе каждый разъ судомъ наличности условій, допускающихъ принятіе такой принудительной мѣры и 3) предоставленіе гражданину возможности привести свои доводы противъ примѣненія къ нему принужденія.

Остановимся сначала на нѣкоторыхъ примѣрахъ, показывающихъ необходимость для общества въ отдѣльныхъ случаяхъ подвергать гражданина принужденію. Если кто-либо собирается совершить преступленіе, напр., бросается съ ножомъ на другого, или хочетъ ударить его, то никому не придетъ и на умъ спросить себя, имѣю ли я право вмѣшаться и отобрать ножъ у нападающаго или даже, въ случаѣ

необходимости, задержать его, чтобы помѣшать ему совершить преступленіе. Если собралась толпа съ какою-либо преступною цѣлью, напр., чтобы громить кого-либо, то едва ли кто станетъ отрицать право органовъ власти помѣшать движенію этой толпы, а въ соотвѣтственныхъ случаяхъ и разсѣять ее при помощи принужденія. Если кто-либо такъ построилъ свой каменный домъ или лѣса вокругъ строющагося дома, что они грозятъ каждую минуту рухнуть и причинить тяжкія увѣчья или смерть случайнымъ прохожимъ, то для каждаго ясно, что власть можетъ предписать устранить эту опасность исправленіемъ или снесеніемъ неправильно построеннаго дома или лѣсовъ вокругъ него, и если собственникъ не сдѣлаетъ это добровольно, то власть можетъ произвести нужныя дѣйствія принудительно и за его счетъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ принудительная дѣятельность власти служитъ къ тому, чтобы устранить грозящую опасность обществу или отдѣльнымъ лицамъ, и мѣры, принимаемыя для такой цѣли, называются мѣрами предупрежденія.

Въ другихъ случаяхъ принужденіе примѣняется для того, чтобы прекратить начавшуюся уже преступную дѣятельность, помѣшать ей развиваться и, тѣмъ самымъ, причинять большій общественный вредъ.

Такія мѣры называются мѣрами пресѣченія. Такъ, если преступникъ постоянно занимается кражами, поджогами, насиліемъ, то послѣ уличенія его въ такихъ дѣйствіяхъ, его можно подвергнуть аресту, чтобы помѣшать ему продолжать преступную дѣятельность. При старомъ строѣ, очень опасавшемся «политической неблагонадежности», власть часто прибѣгала въ высылкѣ заподозрѣннаго въ Сибирь, «въ мѣста не столь отдаленныя», съ цѣлью пресѣчь вредную для нея агитацію его въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Это было грубымъ произволомъ, такъ какъ человѣкъ здѣсь несъ тяжкія взысканія за одно распространеніе

своихъ убѣжденій. Мѣрой пресѣченія является также отобраніе оружія или орудій преступленія (напр., орудій взлома, отмычекъ и пр.) въ тѣхъ случаяхъ, когда они предназначались или были употреблены для преступной цѣли.

Примѣненіе принужденія въ цѣляхъ предупрежденія и пресѣченія преступленій было излюбленнымъ средствомъ нашего стараго строя, который имѣлъ особый «Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», въ которомъ были изложены случаи, когда полиція могла или должна была вмѣшиваться въ частную жизнь. Въ этомъ уставѣ, который съ большимъ соотвѣтствіемъ можно было бы назвать «уставомъ полицейскаго попеченія», говорилось о самыхъ разнообразныхъ сторонахъ жизни, которыя подлежали неослабному наблюденію полиціи. Такъ, полиція должна была наблюдать за сохраненіемъ благочинія въ церквахъ и внѣ церквей, предупреждать расколы и ереси, открывать составителей пасквилей и подметныхъ писемъ, блюсти благочиніе при домашнихъ забавахъ и увеселеніяхъ, бороться съ роскошью и мотовствомъ, предупреждать пьянство, доносить о развратномъ поведеніи различныхъ категорій обывателей, предупреждать споры, брань и драки, пресѣкать запрещенныя игры и лотереи и мн. др. Этотъ уставъ рисовалъ себѣ россійскаго обывателя, ведущимъ свое мирное житіе подъ бдительнымъ надзоромъ и подъ опекой полиціи, оберегавшей его отъ всякихъ опасностей, грозившихъ его спокойствію, нравственности, или собственности. Съ половины XIX вѣка такое положеніе полиціи въ отношеніи обывателя начинаетъ мѣняться. Полиція начинаетъ служить органомъ «поддержанія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»—взглядъ, нашедшій свое яркое выраженіе въ положеніи 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка. Въ силу этого закона полиціи были предоставлены чрезвычайныя полномочія

для примѣненія принужденія противъ всякихъ «неблагонадежныхъ» лицъ, т. е. тѣхъ, которыя были заподозрѣны въ несочуствіи царскому самодержавію или системѣ чиновническаго самовластія (бюрократіи). Съ этого времени полиція перестала быть мирной опекуншей населенія, она стала органомъ сыска и провокаціи. Она забыла о предупрежденіи и пресѣченіи обывательскихъ опасностей, а стала предупреждать и пресѣкать крамолу, т. е. всякое разногласіе съ господствующимъ строемъ.

Уставъ о предупрежненіи и пресѣченіи, переизданный въ 1916 г. подъ названіемъ «Устава благочинія и безопасности», до сихъ поръ пытается слѣдить за каждымъ шагомъ обывателя. Такъ, по этому уставу обыватель долженъ входить въ церковь «безъ усилія» и пребывать въ ней «со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и всякомъ почтеніи». Въ воскресные и торжественные дни онъ долженъ, «воздерживаясь отъ безпутной жизни болѣе, нежели въ другіе, ходить въ церковь къ слушанію службы Божіей, а особливо къ литургіи». Ему запрещаются лжепредсказанія и лжепредзнаменованія, а также выдача себя за колдуна и чародѣя. Ему воспрещены обманы словомъ, письмомъ или дѣйствіемъ, разсѣиваніе лжи и клеветы. Во всѣхъ случаяхъ имущественныхъ похищеній онъ долженъ доносить полиціи и способствовать ей при поимкѣ виновныхъ. Онъ не долженъ открывать домъ свой для непотребства или устраивать дома забавы и увеселенія, когда въ нихъ входитъ что-либо, законамъ противное и т. п. Такимъ образомъ, почти каждый шагъ обывателя, даже въ области самыхъ интимныхъ сторонъ его религіозной, домашней жизни, могъ быть «пресѣченъ» полиціей.

Новое пониманіе задачъ предупрежденія и пресѣченія рѣзко расходится со старымъ. Примѣненіе принудительныхъ мѣръ, ограничивающихъ политическую или религіозную свободу, совершенно не допускается.

Вмѣшательство полиціи возможно только тогда, когда личности или имуществу окружающихъ грозитъ серьезная опасность отъ предполагающагося или совершающагося преступленія. Власть полиціи исчерпывается только арестомъ на срокъ не свыше 24 часовъ или отобраніемъ предмета, причемъ въ кратчайшій срокъ дѣйствія полиціи подлежатъ провѣркѣ со стороны суда. Полицейская опека, какъ противорѣчащая свободѣ личности, упраздняется во всѣхъ ея формахъ.

Главнымъ видомъ принужденія, извѣстнымъ современному государству, является принужденіе въ силу судебнаго приговора или постановленія. Судъ примѣняетъ это принужденіе или въ видѣ наказанія за содѣянное, или въ видѣ мѣръ безопасности, или въ видѣ принудительнаго исполненія.

Мѣры принудительнаго исполненія примѣняются, съ разрѣшенія суда, въ томъ случаѣ, когда на гражданинѣ лежитъ какая-либо обязанность въ интересахъ общей безопасности, отъ исполненія которой онъ упорно отказывается. Судъ предоставляетъ въ такихъ случаяхъ полиціи принудительно или за счетъ обязаннаго исполнить требуемое закономъ. Такъ, если кто-либо незаконно хранитъ у себя оружіе или взрывчатыя вещества и отказывается ихъ выдать, судъ можетъ предписать сдѣлать у него выемку этихъ предметовъ. Если кто-либо содержитъ въ грязномъ, угрожающемъ здоровью жильцовъ, состояніи свой домъ и отказывается самъ привести его въ надлежащее состояніе, судъ можетъ разрѣшить полиціи принять необходимыя мѣры за счетъ домовладѣльца. Такое принудительное исполненіе, конечно, мыслимо только въ области внѣшнихъ обязанностей и не можетъ примѣняться тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ убѣжденіи религіозномъ, политическомъ, нравственномъ. Здѣсь государство иногда рѣшается, все же, примѣнять наказанія (напр., при отказѣ по нравственнымъ основа-

ніямъ исполнить воинскую повинность), но отказывается отъ мѣръ принужденія.

Наказаніе есть принудительное и тяжкое для виновнаго послѣдствіе, назначаемое отъ лица судебной власти за содѣянное имъ нарушеніе закона. Въ прежнее время оно затрагивало его жизнь, тѣлесную неприкосновенность, свободу, честь, общественныя права, имущество. Теперь всѣ наказанія направляются только противъ свободы (тюрьма), имущества (штрафы, денежныя взысканія) и общественныхъ правъ (праволіпенія) человѣка. Цѣлью примѣненія наказанія является желаніе подчеркнуть недопустимость въ обществѣ извѣстныхъ дѣйствій и повліять на остальныхъ членовъ общества, чтобы они не слѣдовали за дурнымъ примѣромъ, даннымъ преступникомъ. По отношенію къ самому виновному, если онъ является испорченнымъ человѣкомъ, наказаніе преслѣдуетъ цѣли исправленія, перевоспитанія или временнаго удаленія изъ общества. Наказаніе является наиболѣе часто примѣняемой мѣрой принужденія, и примѣненіе ея обставлено значительными гарантіями. Наказаніе можетъ быть назначено лишь въ силу уголовнаго закона, дѣйствовавшаго въ моментъ совершенія преступленія. Наказывать кого-либо безъ закона, заранѣе указавшаго, что извѣстныя дѣйствія являются преступными, было бы величайшимъ произволомъ. Это правило нашло свое выраженіе впервые во французскомъ революціонномъ кодексѣ 1791 г., и съ того времени повторяется во всѣхъ законодательствахъ. У насъ это правило было выражено въ ст. 74 основныхъ законовъ 1906 г., гласившей: «Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя, дѣйствовавшими во время совершенія сихъ дѣяній, уголовными законами, если при томъ вновь изданные законы не исключаютъ совершенныхъ виновными дѣяній изъ числа преступныхъ». Невозможность обратной силы уголов-

ныхъ законовъ есть одно изъ требованій неприкосновенности личности. Далѣе личная свобода не мирится и съ полной неопредѣленностью наказаній. Характеръ каждаго наказанія долженъ быть опредѣленъ въ законѣ, и установлена возможная его продолжительность. Суду можетъ быть предоставлено лишь нѣкоторое усмотрѣніе выбора сроковъ между высшимъ и низшимъ предѣлами.

Наконецъ, третьей принудительной мѣрой противъ личности, принимаемой судомъ, являются мѣры безопасности. Эти мѣры не слѣдуетъ смѣшивать съ наказаніемъ. Наказаніе примѣняется въ виду виновности лица, мѣры безопасности примѣняются независимо отъ виновности, въ силу одного опасного состоянія человѣка. Помѣщеніе лица душевно-больного, совершающаго преступленія, въ лѣчебное заведеніе, помѣщеніе привычнаго пьяницы, постоянно нарушающаго порядокъ или причиняющаго побои своимъ дѣтямъ и женѣ, въ лѣчебницу для алкоголиковъ, помѣщеніе попрошаекъ и тунеядцевъ въ работные дома—вотъ примѣры такихъ мѣръ. Мѣры безопасности развиваются лишь въ самое послѣднее время, и преимущество ихъ въ томъ, что во многихъ случаяхъ онѣ способны замѣнить наказанія, причиняющія порою значительныя страданія и вредъ преступнику и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ исправляющія его.

Охрана личной свободы требуетъ, чтобы всѣ эти принудительныя мѣры примѣнялись не иначе, какъ въ судебномъ порядкѣ. Административная власть не можетъ по своему усмотрѣнію наказать или подвергнуть принужденію гражданина. Она обязана обратиться въ безпристрастный и независимый судъ, который, выслушавъ то лицо, противъ котораго должна быть примѣнена принудительная мѣра, рѣшаетъ вопросъ о наличности законныхъ основаній и о необходимости ея примѣненія. Въ такой провѣркѣ со стороны суда, не безъ основанія, видятъ надежнѣйшую гарантію

противъ произвола. Вся борьба противъ неосновательныхъ и произвольныхъ арестовъ, обысковъ, высылокъ, лишенія свободы и понимается именно такъ, что никакой органъ государства, кромѣ суда, дѣйствующаго въ важнѣйшихъ дѣлахъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, не въ правѣ постановлять объ ограниченіяхъ личной свободы.

Когда-то судъ былъ такимъ же властнымъ и деспотическимъ орудіемъ государства, какимъ до недавняго времени была и исполнительная власть. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ карательный мечъ государства и наносилъ имъ тяжелые удары. Но постепенно, подъ вліяніемъ идей гуманности, судъ проникается началомъ служенія не только государственнымъ началамъ, но и правамъ личности. Этотъ поворотъ сталъ происходить подъ вліяніемъ привлеченія къ участію въ судѣ присяжныхъ засѣдателей или выборныхъ засѣдателей отъ сословій, которые рѣшали «по совѣсти», т. е. по справедливости, а не по соображеніямъ выгодъ и пользъ чисто государственныхъ, какъ это часто дѣлаютъ чиновные судьи. Другой причиной этого поворота явились два великихъ начала судебной дѣятельности: гласность и состязательность. Гласность даетъ возможность каждому видѣть и слышать все происходящее на судѣ, такъ что судъ будетъ рѣшать не по тайнымъ доводамъ и вліяніямъ, а по соображеніямъ, основательность которыхъ могъ провѣрить каждый. Состязательность позволяетъ обвиняемому, на правахъ одинаковыхъ съ обвинителемъ, бороться противъ выставленнаго противъ него обвиненія и приводить въ свою пользу все, что можетъ повліять на правильность рѣшенія. При этихъ двухъ условіяхъ судебный порядокъ даетъ наилучшую возможность изгнать произволъ и разумно согласовать требованія государства и права личности.

При такихъ условіяхъ судъ сталъ какъ бы по-

средникомъ между властью и населеніемъ, сохранивъ независимость отъ нихъ обоихъ. Подъ охрану суда поставлены основныя права личности, въ частности, ея неприкосновенность. Судъ это—барьеръ, созданный въ интересахъ личной свободы и безопасности. Каждый органъ суда обладаетъ независимостью, никакое начальство не вправѣ посылать ему приказовъ или вліять на него. Судьи приносятъ присягу судить, не взирая на лица. Свои рѣшенія суды должны основывать на доказательствахъ и излагаютъ мотивы, по которымъ они пришли къ такимъ рѣшеніямъ. На неправильныя рѣшенія суда можно приносить жалобы въ высшіе суды и, наконецъ, въ верховный судъ Сената, который наблюдаетъ надъ правильностью правосудія во всей странѣ. При такихъ условіяхъ, можно сказать, что свободный, справедливый и независимый судъ есть лучшій охранитель свободы личности, и, пока суды пользуются довѣріемъ и независимостью, каждый можетъ считать себя въ безопасности подъ ихъ охраной. Напротивъ, все пропало, когда судъ вовлеченъ въ политическую борьбу и самъ сталъ орудіемъ произвольной власти. Ввѣренная ему громадная власть надъ гражданами всей тяжестью обрушивается на ихъ свободу.

Исторія правъ личной свободы есть исторія борьбы между административной и судебной властью за право назначать тѣ или иныя ограниченія личной свободы. Мы познакомимъ читателя съ нѣсколькими страницами этой исторіи, обращая преимущественное вниманіе на борьбу за важнѣйшее личное право—право внѣшней свободы.

II.

Уже исторія древнихъ демократическихъ странъ даетъ намъ блестящія страницы борьбы за личную свободу. Въ Аѳинахъ каждое высшее выборное должностное лицо (архонтъ) при вступленіи въ должность

давало торжественную присягу, что оно никого не арестуетъ безъ судебнаго приговора. Лишеніе имущества или свободы происходило здѣсь не иначе, какъ по постановленію или самого народнаго собранія, вѣдавшаго и важнѣйшія судебныя дѣла, или по рѣшенію суда присяжныхъ (геліастовъ), засѣдавшаго въ количествѣ 500 свободныхъ гражданъ. Въ Римѣ, съ самаго начала республики, у каждаго подвергаемаго задержанію гражданина существовало право требовать представленія въ народное собраніе, которое, выслушавъ объясненія задерживаемаго, постановляло о допустимости или недопустимости дальнѣйшаго задержанія. До самаго конца республики свобода до суда была правомъ гражданина. Мы не станемъ останавливаться на развитіи правъ личной сообды въ древнемъ мірѣ, гдѣ они развивались совершенно въ иныхъ условіяхъ и носили характеръ привилегіи небольшой части свободнаго населенія. Мы сосредоточимъ свое вниманіе на исторіи того, какъ это право было добыто двумя современными государствами Западной Европы—Англіей и Франціей, являвшимися застрѣльщиками въ борьбѣ за свободу. Начнемъ съ Англіи, какъ страны, ранѣе другихъ завоевавшей себѣ эти права и служившей въ теченіе многихъ вѣковъ образцомъ для другихъ странъ въ этой области.

Въ исторіи Англіи есть два момента, къ которымъ обыкновенно пріурочиваютъ главнѣйшія завоеванія въ области личной свободы. Эти моменты—Великая Хартія Вольностей 1215 года и Habeas Corpus act 1679 г. (Законъ о приводѣ). Но то высокое уваженіе къ личнымъ правамъ гражданъ, которое мы наблюдаемъ въ Англіи, есть, въ дѣйствительности, медленно образовавшійся продуктъ развитія прочныхъ и независимыхъ государственныхъ учрежденій, есть плодъ долгой и планомѣрной борьбы, въ которой указанные два акта играютъ роль лишь болѣе замѣтныхъ вѣхъ.

Начнемъ съ Великой Хартіи Вольностей, съ которой собственно начинается исторія англійскаго государственнаго права. Знаменитая ст. 39 этой Хартіи, которая разсматривается какъ основа личной свободы, гласитъ: «Ни одинъ свободный человѣкъ да не подвергнется аресту, заключенію въ темницѣ, отобранію имущества, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него (войною), не пошлемъ за нимъ (войска), иначе какъ по законному рѣшенію его перовъ (равныхъ) или по закону страны». Въ этой статьѣ видѣли поставленіе правъ личной свободы подъ защиту суда присяжныхъ и полное устраненіе возможности производить въ административномъ порядкѣ акты принужденія. Новѣйшіе историческіе труды устанавливаютъ, однако, совершенно иной взглядъ на это постановленіе. Великая Хартія является продуктомъ того строя, когда помѣщикамъ принадлежала власть надъ всѣми людьми, жившими на ихъ земляхъ. Помѣщики въ ней отстаивали чисто себялюбивыя точки зрѣнія, заботясь только объ укрѣпленіи своихъ правъ и привилегій. Такой же характеръ имѣла и ст. 39. Въ ней говорится о «свободномъ человѣкѣ», подъ которымъ въ то время разумѣли только земельнаго собственника, обязаннаго повинностями королю. Свободнымъ людямъ противоставлялись крестьяне (вилланы), прикрѣпленные къ помѣстьямъ, и правомъ личной независимости непользующіеся. Независимость помѣщиковъ здѣсь ставится подъ защиту суда равныхъ, подъ которымъ и разумѣлся судъ людей того же сословія, какъ и обвиняемый. Такіе сословные суды были извѣстны всѣмъ странамъ; они до сихъ поръ сохраняются въ Англіи для наиболѣе знатныхъ людей (лордовъ), которые за уголовныя преступленія судятся въ Палатѣ Лордовъ. Эти сословные суды ничего общаго не имѣли съ судомъ присяжныхъ, который съ самаго своего возникнове-

нія былъ ничѣмъ инымъ, какъ судомъ представителей общины. Нельзя видѣть также указанія на судъ присяжныхъ и въ ссылкѣ на законъ страны. Въ ту эпоху судъ присяжныхъ существовалъ еще только какъ предоставляемая королемъ привилегія; подъ «закономъ страны» разумѣлись доказательства посредствомъ жребія и поединокъ, о которыхъ и говоритъ непосредственно предшествующая ст. 39-я статья 38-я. Итакъ, Великая Хартія ограждала лишь права небольшой группы населенія, ограничивая произволъ короля участіемъ сословныхъ судовъ въ вопросахъ, касавшихся имущества и свободы земельныхъ собственниковъ. Есть даже основанія думать, что такая защита была невыгодна для широкихъ круговъ населенія, въ защиту интересовъ которыхъ собственно и выступала королевская власть въ ту эпоху. Но, какъ часто случается въ исторіи, акты, появившіеся въ однихъ историческихъ рамкахъ, позднѣе пріурочиваются къ другимъ политическимъ условіямъ, и въ нихъ вкладывается иное содержаніе, а первоначальное ихъ значеніе забывается. Съ конца XV вѣка, съ паденіемъ помѣщичьей судебной власти, это постановленіе Великой Хартіи начинаетъ примѣняться ко всѣмъ подданнымъ, подлежащимъ королевскимъ судамъ, а подъ судомъ равныхъ начинаетъ подразумѣваться развившійся тогда и окрѣпшій судъ присяжныхъ. Ссылка на Великую Хартію получаетъ значеніе оружія въ борьбѣ за ограниченіе административной власти, и въ періоды политическихъ смутъ, какъ напр., въ XVII вѣкѣ, сторонники свободы ссылаются на постановленія Хартіи, какъ налучшіе охранители личной свободы.

Но если въ началѣ XIII вѣка рано еще искать яснаго выраженія постановленій, защищающихъ личную свободу, то, несомнѣнно, въ этомъ вѣкѣ мы уже видимъ весьма существенные зачатки ея. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что всю борьбу по устано-

вленію гарантій свободы вынесли на своихъ плечахъ два англійскихъ учрежденія: парламентъ и судъ присяжныхъ. Оба эти учрежденія образовались въ XIII вѣкѣ, который по справедливости можно назвать эпохой великихъ реформъ въ англійской исторіи. Парламентъ, пополненный представительствомъ Общинъ съ 1265 года, контролировалъ дѣятельность правительственной власти. Пользуясь своимъ правомъ давать королю деньги, онъ сталъ представлять и совѣты въ формѣ петицій (просьбъ) о лучшемъ устроеніи государства; петиціи затѣмъ превратились въ законодательныя предположенія, утверждаемыя королемъ. Въ качествѣ верховнаго суда страны, въ XIV и XV вѣкѣ парламентъ привлекалъ къ отвѣтственности и осуждалъ тѣхъ изъ совѣтниковъ короны и исполнителей ея велѣній, которые притѣсняли народъ или совершали незаконныя дѣйствія. Что касается злоупотребленій мѣстныхъ органовъ, то здѣсь мощнымъ орудіемъ противодѣйствія явился родственный парламенту судъ присяжныхъ. Этотъ судъ держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ уголовнаго преслѣдованія, и безъ согласія его не можетъ быть примѣнена ни одна принудительная мѣра.

Судъ присяжныхъ въ Англіи не только рѣшаетъ о виновности, но и въ лицѣ особаго большого суда присяжныхъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, должно или не должно быть возбуждено преслѣдованіе въ извѣстномъ случаѣ. Имѣя право привлекать къ отвѣтственности виновныхъ, присяжные — обвинители легко могли бороться со всѣми злоупотребленіями на мѣстахъ. Будучи тѣсно связаны съ общиной, они не опасались за свою личную судьбу. Попытки упразднить необходимое содѣйствіе этого органа всегда разсматривались какъ рѣзкое посягательство на основные устои страны и сурово карались парламентомъ.

Постановленія Великой Хартіи долгое время истолковывались какъ требованіе, чтобы ни одинъ

гражданинъ не былъ преданъ уголовной отвѣтственности иначе, какъ съ согласія присяжныхъ обвинителей. Это правило нашло свое открытое признаніе лишь въ 1641 г., когда была отмѣнена, такъ наз., Звѣздная Палата.

Звѣздная Палата была судомъ исключительнымъ, зависимымъ отъ правительства, но, все же, судомъ, рѣшавшимъ дѣла гласно въ опредѣленномъ порядкѣ. Болѣе рѣзкое отступленіе отъ судебной защиты личной свободы въ англійскомъ правѣ мы встрѣчаемъ въ формѣ расправъ въ военномъ порядкѣ, примѣнявшихся въ исключительные моменты государственной жизни въ силу особыхъ порученій, дававшихся короной своимъ намѣстникамъ или спеціальнымъ комиссарамъ. Примѣненіе такихъ расправъ во время бунтовъ было до чрезвычайности рѣдко; теперь оно признается отмѣненнымъ Биллемъ о Правахъ для самой Англіи; законность же его и по отношенію къ лицамъ не военнымъ оспаривалась всегда.

Борьба съ самовольными арестами мѣстныхъ чиновниковъ велась тѣмъ путемъ, что центральному королевскому суду поручалось контролировать ихъ дѣятельность. Когда отдѣльные судьи пріѣзжали въ графство для разбора судебныхъ дѣлъ, всѣ жители могли къ нимъ обращаться съ жалобами на злоупотребленія должностныхъ лицъ. Но, кромѣ того, были установлены и чрезвычайныя формы надзора, одной изъ которыхъ является знаменитый Habeas Corpus act. Этотъ актъ былъ въ ходу уже въ серединѣ XV вѣка, причемъ, раньше имъ пользовались для возстановленія свободы, нарушенной частными лицами, а съ начала XVI вѣка онъ сталъ примѣняться и по отношенію къ органамъ власти, незаконно заключившихъ кого-либо подъ стражу. Существо этого акта состоитъ въ томъ, что лишенный свободы самъ или черезъ какого-либо представителя обращается въ высшій королевскій судъ, ко-

торый на основаніи этой просьбы обязанъ издать приказъ о приводѣ, называемый по своимъ начальнымъ словамъ—«Habeas Corpus», т. е. «приведи такого-то». Этотъ актъ посылается должностному или частному лицу, содержащему подъ стражей просителя. Содержащій подъ стражей немедленно обязанъ привести заключеннаго въ судъ королевской скамьи и сообщить суду подробныя свѣдѣнія о времени и причинахъ задержанія. Судъ провѣряетъ эти основанія, допрашиваетъ заключеннаго и рѣшаетъ, долженъ ли онъ быть отпущенъ на свободу, или же отосланъ обратно въ мѣсто заключенія. Актъ 1679 г. въ этомъ порядкѣ измѣнилъ лишь немногое: онъ подчеркнулъ обязательность для суда королевской скамьи изданія такого приказа, и за неисполненіе этой обязанности грозилъ высокими штрафами. Эта послѣдняя гарантія, впрочемъ, ни разу не была примѣнена въ англійской исторіи. Еще до закона 1679 г. полное выраженіе права личной свободы нашли въ представленной Парламентомъ и утвержденной королемъ Петиціи о Правахъ 1628 г. Мы приведемъ положенія, принятыя парламентомъ и легшія въ основу этой петиціи: «1. Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестуемъ, задерживаемъ въ тюрьмѣ или инымъ образомъ ограничиваемъ въ свободѣ по приказанію короля или тайнаго совѣта или кого-либо другого, если не указана причина ареста, задержанія или ограниченія свободы—причина, по которой онъ въ силу закона долженъ былъ быть арестованъ, задержанъ или ограниченъ въ свободѣ. 2. Въ приказѣ Habeas Corpus не должно быть отказываемо никому; онъ долженъ быть выдаваемъ каждому лицу, которое подвергнуто аресту, задержанію или какому-либо ограниченію въ свободѣ, будь то по приказанію короля, тайнаго совѣта или какого-либо другого, если только заключенный проситъ о выдачѣ приказа. 3. Если какой-либо свободный чело-

вѣкъ будетъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму или иначе ограниченъ въ свободѣ по приказу короля, тайнаго совѣта или кого-либо другого, причемъ, не будетъ приведено достаточной законной причины, и если это будетъ установлено путемъ производства по Habeas Corpus act., то задержанный долженъ быть или вовсе освобожденъ, или отпущенъ на свободу подъ поручительство». Билль о Правахъ 1689 г. дополнилъ эти постановленія запрещеніемъ требовать чрезмѣрное поручительство, чтобы такимъ способомъ предупредить обходъ закона.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что актъ 1679 г. былъ не новымъ завоеваніемъ, а лишь укрѣпленіемъ старыхъ правъ. Гарантіи, предоставляемыя закономъ о приводѣ, могутъ быть останавливаемы постановленіемъ парламента въ моменты, когда требуется энергичная дѣятельность власти. Это имѣло мѣсто, напр., въ концѣ XVIII и въ первую четверть XIX вѣка. Послѣдній случай этого мы наблюдаемъ въ 1818 году, послѣ чего мѣра эта была примѣняема нѣсколько разъ только по отношенію къ Ирландіи.

Мы не станемъ останавливаться на другихъ способахъ защиты личной свободы въ Англіи, въ виду ихъ техническаго характера. Укажемъ только, что парламентъ и практика весьма удачно предупреждали всякаго рода обходы законодательныхъ постановленій. Такъ, напр., частое примѣненіе права помилованія по отношенію къ должностнымъ лицамъ, признаннымъ виновными въ нарушеніи правъ личной свободы, привело къ тому, что уголовный порядокъ отысканія потерпѣвшимъ удовлетворенія былъ замѣненъ гражданскимъ, причемъ, размѣръ вознагражденія опредѣляется усмотрѣніемъ присяжныхъ; въ гражданскомъ же процессѣ право помилованія непримѣнимо. Чтобы предупредить злоупотребленія низшихъ органовъ полиціи, законодательство подчинило ихъ власти мировыхъ и полицейскихъ су[illegible]

которые, убѣждаясь въ неосновательности задержанія при допросѣ лицъ приведенныхъ къ нимъ, могутъ тутъ же наложить взысканіе на виновнаго. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ англійское право достигло того, что каждый гражданинъ рѣшается стойко бороться за свои права, не рискуя стать жертвой неосновательныхъ преслѣдованій и произвольныхъ арестовъ. Съ другой стороны, и самъ гражданинъ воспитывается въ уваженіи къ праву и избѣгаетъ въ борьбѣ всякаго насилія, и дѣйствуетъ строго законными способами. Свобода личности является для него той основой, опираясь на которую, онъ сознаетъ себя подчиненнымъ только закону, осуществляемому не иначе, какъ чрезъ посредство независимой судебной власти, и открыто борется съ неправомѣрностью, откуда бы она ни исходила.

Изъ другихъ странъ, упорно боровшихся за личную свободу, остановимся только на *Франціи*, которая первая провозгласила для континентальной Европы принципы свободнаго строя. Въ дореформенной Франціи свобода гражданъ чаще всего нарушалась посредствомъ тайныхъ приказовъ за печатью короля, которыми предоставлялось арестовывать отдѣльныхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ (Lettres de cachet). Противъ нихъ и была направлена прежде всего дѣятельность Національнаго собранія. Въ торжественномъ засѣданіи 23 іюня 1789 г. король представилъ свою декларацію, ст. 15 которой гласила: «Король, желая обезпечить личную свободу всѣмъ гражданамъ прочнымъ и постояннымъ образомъ, приглашаетъ генеральные штаты разсмотрѣть и предложить ему средства, наиболѣе соотвѣтствующія для того, чтобы примирить отмѣну приказовъ, извѣстныхъ подъ именемъ lettres de cachet, съ сохраненіемъ общественной безопасности и необходимой предосторожности для поддержанія чести семей и подавленія начинающихся воз-

станій». Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ засѣданіи 22 августа Національное собраніе приняло рядъ статей о личной свободѣ, которыя составили 7-ую, 9-ую и 12-ую статьи Декларації Правъ. Изъ нихъ важнѣйшей является ст. 7: «Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ или заключенъ подъ стражу иначе, какъ въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ и согласно установленнымъ закономъ, формамъ. Тѣ, которые будутъ предлагать, способствовать, исполнять или предписывать исполненіе незаконныхъ приказовъ, должны быть наказаны; но каждый гражданинъ, призванный или арестованный, долженъ немедленно повиноваться; онъ явится виновнымъ въ случаѣ сопротивленія». Статьи 9—13 содержали перечень гарантій противъ произвольнаго задержанія для обвиняемаго, уже заключеннаго подъ стражу по уголовному дѣлу. Въ силу этого 18 марта 1790 года издается указъ относительно тѣхъ, которые находились въ заключеніи безъ законныхъ къ тому основаній. Статья первая этого указа предписывала освобожденіе всѣхъ содержащихся гдѣлибо въ силу тайныхъ приказовъ короля или предписаній административной власти, по одной только жалобѣ, принесенной ими самими или ихъ родственниками. Въ заключеніи оставались только бродяги и нищіе, а также обвиняемые въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ послѣ соотвѣтственной повѣрки основаній заключенія. Полномочія по аресту административныхъ властей ограничивались закономъ 16 февраля 1791 г., создавшимъ національную жандармерію. На обязанность жандармеріи возлагался арестъ лицъ, застигнутыхъ при совершеніи преступленій и другихъ лицъ, представлявшихъ общественную опасность. Далѣе полномочія администраціи были расширены еще болѣе закономъ 26 іюля 1791 г. Всѣ эти законы были замѣнены постановленіями конституціи 14-го сентября 1791 г. Основныя начала этой

конституціи легли въ основу всего дальнѣйшаго законодательства. Конституція гарантируетъ, въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ, свободу каждому двигаться, оставаться, уѣзжать безъ того, чтобы кто-либо могъ его арестовать или заключить подъ стражу иначе, какъ въ порядкѣ, установленномъ конституціей. Ст. 5: «Министры отвѣтственны за всякія посягательства на собственность и индивидуальную свободу»; статья 9 гл. 5: «Въ уголовномъ процессѣ ни одинъ гражданинъ не можетъ быть судимъ иначе, какъ по обвиненію, допущенному присяжными или законодательнымъ корпусомъ въ случаяхъ, когда послѣднему принадлежитъ право преслѣдованія». ст. 10: «Никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ для приведенія къ полицейскому чиновнику; и никто не можетъ быть обвиняемъ иначе, какъ въ силу предписанія полицейскаго чиновника, постановленія о взятіи подъ стражу, исходящаго отъ суда, постановленія законодательнаго корпуса въ соотвѣтственныхъ случаяхъ или приговора, присуждающаго къ тюрьмѣ или заточенію». Каждый арестованный и приведенный къ полицей скому чиновнику долженъ быть допрошенъ немед ленно, во всякомъ случаѣ, не позже 24 часовъ. Если изъ допроса выяснится, что противъ него нѣтъ основаній къ обвиненію, онъ долженъ немедленно быть отпущенъ на свободу; въ противномъ случаѣ—отведенъ въ арестный домъ немедленно, не позже, во всякомъ случаѣ, трехъ сутокъ». Ст. 12: «Никто изъ арестованныхъ не можетъ быть задерживаемъ подъ стражей, если онъ предложитъ достаточное поручительство въ случаяхъ, когда законъ позволяетъ ему остаться на свободѣ за порукою». Въ дальнѣйшихъ статьяхъ (13—16) предусматривается содержаніе заключенныхъ въ надлежащихъ мѣстахъ, надзоръ за правильностью заключенія, правила содержанія и необходимость имѣть особое постановленіе о задер-

жаніи. Конституція 1791 г. предусматривала случаи примѣненія вооруженной силы для ареста, опредѣляла условія обыска въ жилищѣ подозрѣваемыхъ лицъ. Дополняющее конституцію уголовное уложеніе 29 сентября 1791 г., вводило во Франціи обвинительныхъ и судебныхъ присяжныхъ и проводило послѣдовательно начала конституціи въ уголовное судопроизводство. Этими постановленіями впервые было дано выраженіе этому правилу при задержаніи, которое затѣмъ было заимствовано почти всѣми странами Европы. Въ самой Франціи послѣ законовъ 1791 г. мы видимъ еще долгое время борьбу различныхъ началъ. Законъ 1793 года создаетъ наряду съ жандармеріей особую судебную полицію, на которую переноситъ права ареста; права первоначальнаго допроса, принадлежавшія чиновнику полиціи, передаются мировому судьѣ. Послѣ него издается рядъ постановленій, опредѣляющихъ права жандармеріи по первоначальному аресту, но всѣ они въ конечномъ итогѣ вносятъ мало измѣненій въ систему. Законъ VIII (1799) года создаетъ должность полицейскаго префекта въ Парижѣ и надѣляетъ его широкими полномочіями по аресту. Во время террора полномочія административной власти по аресту расширяются еще больше, дѣйствіе суда присяжныхъ пріостанавливается, а власть производить аресты и опредѣлять ихъ продолжительность переходитъ къ Сенату. Наполеоновская конституція XII (1804) года поручаетъ надзоръ за задержаніемъ особой комиссіи, изъ семьи сенаторовъ, которой передаются всѣ дѣла, обвиняемые по которымъ содержатся болѣе 10 дней безъ представленія въ судъ эта комиссія получила право предлагать министрамъ отпускать на свободу лицъ, задержанныхъ безъ основательныхъ причинъ, и въ крайнихъ случаяхъ дѣлать предъ сенатомъ декларацію о произвольномъ задержаніи кого-либо подъ стражей, въ силу чего

сенатъ могъ ходатайствовать предъ законодательнымъ корпусомъ о преданіи министра суду. Но защита, оказываемая этой «сенаторской комиссіей для охраны личной свободы» была чисто призрачной, и произвольные аресты были крайне многочисленны. Усиленіе имперіи заставило вновь расширить полномочіе административныхъ органовъ. Это и было сдѣлано въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, изданномъ въ 1808 году, постановленія котораго сохраняютъ свою силу и понынѣ. Въ этомъ уставѣ и понынѣ мы встрѣчаемъ широкое право предварительнаго задержанія, принадлежащее судебной полиціи, сохраненіе за префектами (губернаторами) права производить аресты и обыски лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленій. Срочность подобныхъ мѣръ до самаго послѣдняго времени не была соблюдаема и только законъ 1897 г. гарантировалъ то правило, что такое задержаніе не можетъ продолжаться долѣе 24 часовъ.

Мы останавливались только на главныхъ актахъ французскаго революціоннаго законодательства. Намъ хотѣлось показать, что и французское право заимствовало основные принципы англійской системы: ограниченіе власти администраціи по предварительному задержанію, установленіе быстраго и обязательнаго контроля со стороны суда и устраненіе изъ этой области усмотрѣнія высшей администраціи. Но эти начала остались невыдержанными: такъ, право ареста сохранено за префектами, контроль за обвиненіемъ со стороны суда присяжныхъ отпалъ, и гражданамъ не представлено такихъ надежныхъ мѣръ защиты противъ администраціи, какъ то мы видимъ въ Англіи. Къ этому нужно прибавить также, что законодательныя постановленія здѣсь не всегда уважались на практикѣ и въ отдѣльные періоды мы видимъ, что судъ не могъ достаточно сильно оградить личную свободу отъ деспотическихъ тенденцій власти исполнительной.

Въ *русской исторіи* до Судебныхъ Уставовъ 1864 г. права личности мало принимались во вниманіе, и принятіе всѣхъ принудительныхъ мѣръ стояло въ зависимости отъ усмотрѣнія полиціи и министра внутреннихъ дѣлъ, которые годами могли содержать подъ стражей подозрѣваемыхъ. Правда, для надзора за правильностью содержанія подъ стражей существовалъ у насъ созданный Екатериной II совѣстный судъ, въ основу котораго были положены постановленія англійскаго закона о приводѣ, но на практикѣ этотъ контроль оказался совершенно призрачнымъ вслѣдствіе многочисленныхъ изъятій и недостаточной авторитетности этого суда. Судебные уставы возвеличили судъ, дали ему независимость, но не подчинили цѣликомъ дѣятельности полиціи и администраціи его контролю. Въ области правъ задержанія подозрѣваемыхъ въ уставъ угол. суд. перешли взгляды нашего стараго порядка, по которому полиція иногда вправѣ принимать мѣры пресѣченія, т. е. арестъ, поручительство, полицейскій надзоръ и пр., своею собственной властью. Правила о жандармскомъ дознаніи 1872 г. и законъ 1904 г. сравняли въ этой области власть жандармовъ съ властью судебною, а положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 1881 г. вручило широкія полномочія генералъ-губернаторамъ, градоначальникамъ и министру внутреннихъ дѣлъ по производству арестовъ, высылокъ, обысковъ и пр. Въ результатѣ получился въ этой области полный произволъ администраціи, совершенно лишенный контроля со стороны суда. Личная неприкосновенность стала пустымъ звукомъ. Манифестъ 17 октября 1905 г. обѣщалъ даровать населенію «дѣйствительную неприкосновенность личности», но до самаго послѣдняго времени никакихъ существенныхъ реформъ въ этой области не было произведено. Проекты неприкосновенности личности, широко намѣченные первой и второй Государствен-

ными Думами, остались безъ разсмотрѣнія. Комиссія же третьей Гос. Думы, разсматривавшая правительственный проектъ по этому предмету, настолько исказила задачу проекта, что вмѣсто законопроекта о неприкосновенности личности получился законопроектъ о неприкосновенности существующихъ ограниченій въ области стѣсненія правъ личности. Достаточно, напр., сказать, что этимъ проектомъ были сохранены всѣ права жандармской полиціи по арестамъ, обыскамъ, сохранялась административная гарантія въ области отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушенія закона, былъ оставленъ въ силѣ административный полицейскій надзоръ, сопряженный съ высылкою и ограниченіями въ правахъ и т. д.

Этотъ проектъ, къ счастью, не сталъ закономъ. Съ того времени вопросъ о защитѣ неприкосновенности личности въ цѣломъ въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ не подымался. Въ послѣдующихъ законахъ нашло свое признаніе лишь правило о томъ, что никто не можетъ быть задержанъ полиціей подъ стражей на срокъ, болѣе 24 часовъ. Такъ, законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда вмѣнилъ въ обязанность полиціи приводить немедленно и никакъ не позже 24 часовъ къ мировому судьѣ всякаго задержаннаго полиціей преступника, чтобы судья, могъ провѣрить основанія задержанія. Опубликованное временнымъ правительствомъ постановленіе отъ 17 апрѣля 1917 г. объ учрежденіи милиціи требуетъ отъ послѣдней также немедленнаго освобожденія задержаннаго или привода его въ теченіе 24 часовъ къ судьѣ или судебному слѣдователю, которому подсудно дѣло, если задержаніе состоялось въ мѣстѣ ихъ пребыванія, или—къ ближайшему судьѣ, либо слѣдователю. Такимъ образомъ, правило о допустимости только краткосрочнаго, суточнаго, задержанія административною властью, дѣйствующую безъ разрѣшенія судьи, начинаетъ находить уже признаніе и у насъ.

Но, все же, новому русскому строю еще только предстоитъ выработать надлежащій законъ о неприкосновенности личности. Тревожное время, которое мы сейчасъ переживаемъ, какъ будто не особенно благопріятствуетъ этому. Кругомъ разсѣяно слишкомъ много подозрѣній; отдѣльныя группы населенія слишкомъ часто проявляютъ склонность къ самоуправнымъ или произвольнымъ дѣйствіямъ. Но растерянность первыхъ мѣсяцевъ послѣ революціи не должна длиться долго. Новая и пользующаяся общественнымъ довѣріемъ власть должна крѣпко взять въ свои руки ввѣренное ей государственное могущество и при помощи его создать дѣйствительную неприкосновенность личности. Пусть новый строй заложитъ прочное основаніе той свободѣ, которая такъ безпощадно попиралась въ прошломъ и безъ укрѣпленія которой немыслимо развитіе ни одного правового и демократическаго государства. Пусть онъ воспитаетъ въ каждомъ гражданинѣ и въ каждомъ должностномъ лицѣ уваженіе къ личной неприкосновенности другихъ и поставитъ преграду всякому произволу и насилію, откуда бы они не исходили.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№№		Цѣна Р, К.
1	**Гоголь, Н. В.**, Сорочин. ярмарка. Вечеръ накапунѣ Ивана Купала	—. 15
2	Майская ночь. Пропавшая грамота. Повѣсти.	—. 15
3	Ночь передъ Рождествомъ. Повѣсть	—. 15
4	Страшная месть. Повѣсть	—. 15
5	Иванъ Федоровичъ Шпонька. Заколодов. мѣсто	—. 15
6	**Добролюбовъ, Н. А.**, Забитые люди. Униженные и оскорбленные. Крит. ром. Достоевскаго . . .	—. 15
7	О значеніи авторитета въ воспитаніи. . . .	—. 15
8	Ученики съ медленнымъ пониманіемъ . . .	—. 15
9	**Кольцовъ, А. В.**, Замѣч. русск. люди изъ простого званія. Біогр. очеркъ Н. А. Добролюбова. .	—. 15
10	**Никитинъ, И. С.**, Дневникъ Семинариста. . . .	—. 15
11	**Андерсенъ, Г. Х.**, Книга картинокъ безъ картинъ.	—. 15
*12-13	**Габбертонъ, Дж.**, Еленины дѣтки. Разсказъ. .	. 30
14-17	**Сводъ Зак.** Т. III. Кн. 1-ая. Уст. о службѣ по опредѣленію отъ правительства	—. 60
18-20	Т. III. Кн. 2-ая. Уст. о пенсіяхъ и единовремен. пособіяхъ	—. 45
21-22	Т. III. Кн. 3-ья и 4-ая. Полож. объ особыхъ преимущ. гражд. сл. въ отдал. мѣстн. и Уставы эмерит. кассъ	—. 30
23-26	Т. IV. Кн. 1-ая. Уставъ о воинской повинности	—. 60
27-32	Т. IV. Кн. 2-ая. Уставъ о земскихъ повинностяхъ	—. 90
33	**Добролюбовъ, Н. А.**, Губернскіе очерки Щедрина.	—. 15
34-35	**Гоголь, Н. В.**, Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба	—. 30
36-39	**Сводъ Зак.** Т. V. Уставъ о прямыхъ налогахъ. .	—. 60
40-42	Т. V. Сводъ уставовъ о пошлинахъ. . . .	—. 45
43-48	Т. V. Сводъ уставовъ объ акцизн. сборахъ. .	—. 90
49	**Добролюбовъ, Н. А.**, О степени участія народности въ развитіи русской литературы	—. 15
*50-54	**Бурже, П.**, Женское сердце	—. 75
55-59	**Свод. Зак.** Т. VI. Уставъ таможенный.	—. 75
60-63	Т. VI. Таможенные тарифы	—. 60
*64-68	Т. VII. Сводъ учрежденій и уставовъ горныхъ.	—. 75
*69-72	Т. VIII. Ч. 1-ая. Уставъ лѣсной.	—. 60
73	Т. VIII. Ч. 1-ая. Уставъ о каз. оброчныхъ статьяхъ	—. 15

№№		Цѣна Р. К.
74	**Гоголь, Н. В.,** Вій. Повѣсть.	—. 15
75	Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ	—. 15
76	**Добролюбовъ, Н. А.,** Литерат. мелочи прошлаго года	—. 15
77	Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью.	—. 15
*78-80	**Бурже, П.,** Андре Корнелисъ	—. 45
*81-83	**Коппе, Ф.,** Виновный	—. 45
*84-86	**Додэ, А.** Письма съ мельницы.	—. 45
*87-90	**Эркманъ-Шатріантъ,** Разсказъ рекрута 1813 г. .	—. 60
*91-93	**Жюль Вернъ,** Съ земли на луну.	—. 45
*94-96	**Бернетъ, Фр. Г.,** Маленькій лордъ Фаунтлерой. .	—. 45
*97-98	**Мопассанъ,** Миссъ Гаріетъ и другіе разсказы. .	—. 30
*99	Дядя Жюль и другіе разсказы.	—. 15
*100	**Местръ, К. Де.,** Параша-Сибирячка. Повѣсть. .	—. 15
*101	Плѣнники Кавказа. Разсказъ	—. 15
*102-6	**Сводъ Зак.,** Т. IX. Сводъ зак. о состояніяхъ. .	—. 75
*107-16	Т. IX. Положенія о сельск. состояніи. .	1. 50
117	**Гоголь, Н. В.,** Портретъ. Невскій проспектъ. . .	—. 15
118	**Аксаковъ, С. Т.,** Аленькій цвѣточекъ. Сказка Буранъ. Очеркъ зимняго дня. Наташа. . . .	—. 15
120-2	**Никитинъ, И. С.,** Стихотворенія	—. 45
123-4	**Урусовъ, кн., С. П.,** Верховая ѣзда	—. 30
125-6	Кормленіе лошади	—. 30
127	Ученіе о зубахъ лошади	—. 15
*128-34	**Шантеплёръ, Гюи.** Невѣста «1-го апрѣля» . . .	1. 05
*135-8	**Майнъ-Ридъ,** Одиннадцать лѣтъ въ пустынѣ. . .	—. 60
139	**Гюго, В.,** Клодъ Гё	—. 15
*140-4	**Сводъ Зак.** Т. X. Ч. 1-ая. Сводъ зак. гражданск.	—. 75
145-6	Т. X. Ч. 1-ая. Положеніе о казенн. подрядахъ и поставкахъ	—. 30
147-50	Т. X. Ч. 2-ая. Сводъ законовъ межевыхъ. .	—. 60
151	Т. X. Ч. 3-ья. Положеніе о землеустройствѣ.	—. 15
152-6	Т. XI. Ч. 1-ая. Св. учр. и уст. духовн. дѣлъ иностр. испов.	—. 75
*157-61	**Мопассанъ,** Исторія одной жизни. Романъ. . .	—. 75
162-3	Безполезная красота и друг. новеллы. . . .	—. 30
*164-9	**Додэ, А.,** Фромонъ младшій и Рислеръ старшій. .	—. 90
*170-3	**Майнъ-Ридъ,** Вокругъ костра	—. 60
174-5	**Гюго, В.,** Послѣдній день приговор. къ смерти. .	—. 30
176-7	**Бремъ,** Цапля и аисты	—. 30
178-80	**Урусовъ кн., С. П.,** Ученіе о ковкѣ лошади. . .	—. 45

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

КОПИРОВАНИЕ
17.09.03.